

Наш доморощенный Дед Мороз

Обидно, понимаешь. Спроси переславскую ребятню про всероссийского Деда Мороза — от зубов отскочит, кто он и откуда родом. А про своего местного, доморощенного Деда, что в этом году с ними хоровод вокруг главной городской ёлки водил и на Рождество в музее веселил — ни гу-гу. И ликвидировать этот пробел в знаниях переславской детворы стало нашей задачей.

Дед Мороз, он же артист самодеятельного театра «Плещей» Александр Никитин, открывший мне дверь своей квартиры в военном городке Чкаловского микрорайона Переславля, оказался мужчиной хоть куда.

— Ростом не в деда пошёл. Тот был два метра четыре сантиметра. Балтийский матрос. Участник штурма Зимнего дворца, — говорит он и показывает фотографию на стене, где статный военный стоит рядом с миниатюрной симпатичной женщиной. — Это дед с моей бабушкой, фрейлиной императрицы. Познакомился с ней во время штурма дворца.

Тихо ойкаю от неожиданности и продолжаю упорно стоять у стены с многочисленными фотографиями. В надежде, что на этом сюрпризы из родословной новогоднего любимца переславской детворы не закончились. Что и случилось. Александр Никитин оказался — сейчас в этом месте наберу немного воздуха и произнесу: сыном сотрудника Генерального штаба Министерства обороны СССР, племянником военного атташе в Италии и сыном заслуженной артистки РСФСР, ведущей солистки Куйбышевского оперного театра Виргилии Никифоровой, подруги Ирины Архиповой. Правда, в разговоре Александр Всеволодович обмолвился, что родители были в разводе и матери своей он особенно не был нужен, но тему эту продолжать не захотел и заговорил совершенно о другом.

— Мама вместе с Ириной Архиповой училась в Московской консерватории. Только курсом была повыше. Ирина Константиновна часто приезжала на гастроли в Куйбышев. Неоднократно бывала у нас дома. Переписывалась с мамой. А главным дирижёром оперного театра был в то время заслуженный деятель искусств Савелий Соломонович Берггольц. Музыкант от Бога. Помню, мы ему глаза завязывали, клали простыню на клавиатуру, и он играл Баха, Бетховена... Мы только диву давались.

— Он не родственник Ольги Берггольц, ленинградской поэтессы?

— Не знаю. Может быть, старший брат.

Ударившись в воспоминания, Никитин говорит о том, как ходил с Савелием Соломоновичем в тир и стрелял на пари. На мороженое. И всегда проигрывал. Хотя был кандидатом в мастера спорта по пулевой стрельбе. Рассказывает о любимой домашней игре, когда записывали на листе бумаги названия городов, опер, фамилии композиторов, музыкальные термины... И всё на одну из букв алфавита. Побеждал тот, кто давал быстрые и правильные ответы. И с задорным огоньком в глазах вспоминает, как всю флиртовал с балеринами.

— За выход на сцену по рублю платили. Вышел один раз — рубль. Ещё раз — ещё рубль. Я себя королём чувствовал. После спектакля брал девочек из балета под ручку — и в ресторан.

А на сцене Александр Никитин с младых ногтей. С десяти лет. Снежки из ваты бросал в «Купце Калашникове»; маму, убитую в «Риголетто» вместо главного героя, в мешке носил; пленника в «Аиде» изображал... При этом не только сладкий запах кулис манил его в театр. На подмостки толкали обстоятельства куда более прозаичные. В суворовском училище, где он учился, лодырничать на каникулах не позволялось никому. Каждый воспитанник обязан был привезти справку, что летом не балду пинал, а работал. Суворовец Никитин и привозил её со словами: «внештатный актёр миманса».

А учился Александр Всеволодович в суворовском училище с 1956 по 1964 годы. Сначала в Воронежском, потом в Калининском.

— Пять военных парадов на Красной площади отбухал, — не без гордости заявляет он. — И благодарность за это дело от самого министра обороны Советского Союза имею.

— Ой, как интересно. Расскажите, как вас готовили, — прошу его. — Долго муштровали?

— Один месяц в училище, два — в Москве, на сборном пункте. Строевая подготовка шесть часов в день. С утра нас привозили на Ходынское лётное поле, размеченное как на Красной площади. 45 минут шагистики, пятнадцать минут отдых. И так до обеда. Потом три часа сидели за партой и три часа самоподготовки. Учились в обычной московской школе, но все преподаватели были наши. Кормили очень хорошо. Давали дополнительный паёк. И непременно каждое утро плитку шоколада. Один раз «Алёнку» не дали, так мы такие «дунайские волны» выдали на Ходынке в знак протеста, что офицеры за голову схватились...

Самыми светлыми годами в своей жизни называет Александр Никитин время, проведённое в суворовском училище, где и сироты, и дети состоятельных родителей варились в одном котле, впитывая в себя святой дух братства и взаимовыручки.

— А ваша мама жива? — спрашиваю его.

— Нет. Умерла в 78 лет. А для меня и поныне двери всех театров в Самаре открыты. Всюду знакомые. Стоит только появиться, как слышу: «О, генерал приехал. Заходи».

— А вы в самом деле генерал?

— Нет. Капитан запаса. Хотя военную академию имени Можайского закончил. Но зато ни один мой солдат не погиб. Все живые, здоровые домой возвратились. И я смело могу смотреть в глаза их матерям.

...Уже давно Александр Никитин на пенсии. За это время дважды в Голландии побывал в гостях. И уже через неделю с народом по-немецки общался. Не прошли даром уроки немецкого в суворовском училище. И каждый день, прогуливаясь по улицам голландской столицы, в музей пивоваренного искусства нырял. Русскому человеку за границей без своей национальной смётки никак нельзя. «В обычном кафе кружка пива стоит два гульдена пятьдесят центов, а билет в музей — один гульден. И пиво там дегустируешь, сколько душа пожелает. Меня там за три месяца жизни уже как родного встречали».

И, естественно, немислим Никитин на пенсии без «Плещей». Как-никак пятнадцать лет в его артистах ходит. Ролей переиграл массу. Кем только не был. И Франсом Лефортом, закадычным другом Петра, и переславским градоначальником, и в княжеской дружине Александра Невского тусовался на Красной площади... И даже в дублёрах у Геннадия Хазанова побывал на съёмках фильма «Полицейский и вор». «Что делал? Бегал, прыгал. Операторской группе помогал. Один раз даже охранять ночью кинокамеру пришлось. А она стоит сумасшедшие деньги — 500 тысяч долларов. Ну, думаю, сейчас кто-нибудь треснет по кумполу — и ваших нет».

Сыграл Александр Всеволодович и Федота-стрельца, удалого молодца, и главного пьяницу Евтуха в «Панночке». И поныне свою запевную фразу «Горилка добрая у нашего пана» так произносит, что руки сами к «рюмке чая» тянутся.

— В начале 90-х во время премьеры «Панночки» в Симеоновской церкви, в самый кульминационный момент, когда Вий со словами: «Вот он!» указывает пальцем на несчастного Хому, в храме вспыхнула лампа дневного света. Сама по себе. Без всяких проводов. Не подключённая ни к какой розетке. Мы были потрясены, — вспоминает он.

— Александр Всеволодович, а как это вы в нынешнем городском конкурсе Дедов Морозов в «Ювенте» уступили победу одиннадцатикласснику из гимназии? — подначиваю его. — Это при вашем-то актёрском опыте.

— Я и не старался. Пусть молодёжь выигрывает. Да и куда бы я их приз — искусственную ёлку в квартиру поставил?

— Отдали бы в «Плещей».

— А там всегда прекрасная живая ёлка стоит.

И здесь надо сказать, что актёры театра «Плещей» Никитина обожают. «Саша у нас просто талант, — без тени сомнения заверяют они и дают голову на отсечение, утверждая, что ему любые роли по плечу. — Он у нас ради искусства на любые жертвы пойдёт. Однажды даже голову побрил и, не моргнув глазом, дал себя зелёной краской выпачкать», — смеются театралы, вспоминая, каким замечательным водяным был Никитин на представлении по случаю Дня Военно-Морского Флота.

На сайте газеты добавлены следующие два абзаца.

И всего лишь раз в нашей беседе потух весёлый огонёк в глазах Александра Всеволодовича. Вспомнил 30 декабря прошлого года, когда дружной компанией, вместе со Снегурочкой, Метелицей, Бабой Ягой прошёл он по отделениям городской больницы, поздравляя больных и медперсонал с наступающим Новым годом. А когда зашёл в одну из палат травматологического отделения — остоленел. С ампутированными ногами лежал Ашот Бабаян. Его добрый знакомый.

— Он раньше служил офицером в нашей части. Потом подался в предприниматели. Всё вначале получалось. А потом жизнь покатила кувырком. Куда-то исчез с поля зрения. И когда я увидел его, мне чуть плохо не стало. Но он меня в костюме Деда Мороза не узнал. А у меня до сих пор душа переворачивается, как вспомню его глаза на больничной койке. У него же в Переславле никого нет. Одно время он даже у меня в квартире жил. И что мне сейчас делать, не знаю.